

ПОЭТ — ХУДОЖНИКУ

В августе 1929 года Госиздат выпустил новую книгу Владимира Маяковского: «Клоп. Фейерверк. Комедия. Девять картин». Это было первое издание знаменитой пьесы. В фондах Государственного Литературного музея в Москве хранится экземпляр этой книги с дарственной надписью: «Дорогому собою и товарищу Моору Вл. Маяковский 10/X-29 г.».

...В конце октября 1920 года в пустовавших тогда витринах московских магазинов появилось очередное, под номером 461, «Окно РОСТА». Художник Д. Моор, незадолго до этого создавший знаменитый агитплакат «Ты записался добровольцем?», нарисовал такой сюжет: Антанта кормит грудью «младенцев» — белогвардейских генералов. Под рисунками «кадрами» помещены хлесткие стихотворные подписи Маяковского.

Дмитрий Стахивич Моор (Орлов, 1883—1946) и другие художники и поэты активно работали, создавая агитационные «Окна РОСТА», о которых Маяковский с присущей ему меткостью сказал: «Это — протоколная запись труднейшего трехлетия революционной борьбы, переданная пятнами красок и звоном лозунгов». Темы политического лубка были общими, не раз обсуждались в горячих спорах. И в этом смысле показательны, что в работе Моора «Царские полки и Красная Армия» наблюдается тематическое сходство с планетом

Маяковского «Кого солдат защищал раньше и вот кого защищает теперь».

С Маяковским Моор нередко встречался и в годы мирного строительства. Выступая на втором расширенном пленуме правления РАПП, поэт с благодарностью вспомнил одну из картин Моора, сюжет которой решительно отстаивал «право на жизнь» его пьеса «Клоп».

В конце марта 1930 года штабом по проведению празднования 1 Мая при МК ВЛКСМ была организована графическая мастерская, которая должна была «выработать» новые формы массовых демонстраций». Непосредственное руководство этой мастерской было поручено В. В. Маяковскому и Д. С. Моору. Это была важная, интересная для обоих работа.

Художник высоко ценил творчество Маяковского-поэта, называл его большим, сильным, могучим поэтом-трибуном. Но кроме того, подчеркивал огромное значение поэзии Маяковского для развития советской литературы, Дмитрий Стахивич был высокого мнения и о творчестве Маяковского-художника. «...Талантливый график, и мы до сих пор пользуемся его графикой», — писал он позже.

Уже после смерти поэта Моор блестяще выполнил большую серию иллюстраций к изданию октябрьской поэмы Маяковского «Хорошо!».

Олег ТОЧЕНИЙ

В ЗАКЛЮЧЕНИИ НОМЕРА

- ПЕРО И КИСТЬЮ
- ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИИ
- ЕГО «НЕБЫВАЛАЯ СТРАННОСТЬ»

● ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

«Народ собрался серьезный...»

Первые стихи Владимира Маяковского в кубанской печати появились в 1923 году. Краснодарская газета «Голос рабочего» опубликовала стихотворение «17 апреля», затем другое — «Еще одно — «Долой!». В газете «Красное знамя» появилось его стихотворение о В. И. Ленине.

После возвращения из Америки В. Маяковский наметил план поездки по Советскому Союзу. С сообщением о предстоящем приезде поэта в Краснодар, где в то время была создана Ассоциация пролетарских писателей, выступил на страницах кубанской печати Леонид Ленч.

13 февраля 1926 года в зале театра негде было яблоку упасть, Маяковский говорил о ЛЕФЕ, рассказывал о поездке в Америку, читал стихи. Старейший кубанский писатель-краевед А. Коломиец вспоминал об этом: «Зал был переполнен. Народ собрался серьезный — рабочие, студенты. Маяковский вышел на сцену — огромный, интересный. Выбросил руку вперед и стал читать. Читал он неподражаемо. В этот вечер поэт впервые прочел в Краснодаре третью часть поэмы «Ленин».

Во время своего пребывания в Краснодаре Маяковский встречался с кубанскими писателями — читал стихи молодых поэтов, высказывал свое мнение, советовал. После отъезда Владимира Владимировича газета «Красное знамя» поместила рецензию на его книгу «Что такое хорошо и что такое плохо», а на следующий год в этой же газете появились новые стихотворения Маяковского, в том числе «Корона и кепка».

Начиная с 1945 года на Кубани становятся традиционными дни Владимира Маяковского. В Краснодарском педагогическом институте, в школах, на предпринятых многих городов и сел сериях проходят литературные вечера, читательские конференции. Газеты публикуют статьи о творчестве поэта, о его большом значении для советской литературы.

Василий ОРЕЛ

В пламенном Петрограде

В. МАЯКОВСКИЙ. Петроград, 1916 г.

«Революция» — назвал Маяковский стихотворение. Второй строчкой добавил подзаголовок: «Поэтохроника». Это действительно хроника, поэтическая хроника февральских революционных событий, свидетелем и активным участником которых он был. Созданные поэтом образы горящего города, который грохочет, «рассыпав дома в пулеметном треске» улиц, на которых «пучками черных орлиных перьев подбитые падают городские» и которые, «взяв по красному флагу, призывом зарев зовут Россию», отражают подлинные, реальные события. Своими глазами видел Владимир Маяковский сбиваемых с фасадов двуглавых орлов и летевших с крыш, протавивших там с пулеметами городских, поднимающиеся над тюрьмой Литовского замка и зданием окружного суда языки пламени, кумач красных знамен на улицах революционного Петрограда. Всю ночь он «бегал туда, где стреляют». Утром столкнулся с А. Тихоновым. Тот держал в руках пачку только что отпечатанного первого номера «Известий Петроградского Совета рабочих депутатов». Без шапки, в расстегнутой шинели, Маяковский выхватил один экземпляр, насоро пробежал его глазами, замахал руками, закричал: «Сюда! Сюда! Газеты!»

Потому так органично поэтические образы соседствуют в стихотворении с конкретными, точно датированными событиями. «27-е февраля 1917 года. — И. П.», — пишет поэт. — 9 часов. На своем постоянном месте в Военной автомобильной школе стоим, зажатые казарм оградой». И дальше — «сразу — люди, лошади, фонари, дома и моя казарма толпами по сто ринулись на улицы».

«Моя казарма». Казарма Петроградской военно-автомобильной школы. «Только сейчас омончались мои мытарства по призыву», — писал Маяковский матери и сестрам, — спешу вам написать и успокоить. Я призван и взят в Петроградскую автомобильную школу, где меня определили в чертенную...»

Находилась казарма во дворе дома 17 на Загородном проспекте. Стоявшие тут прежде здание давно разобрано. Снеговоз зеленые деревья и кустарников сквера виден некогда «зажатый казарм оградой» двор, узкий, типичный для петербургских доходных домов двор-колодец. Зато несомненно кварталами дальше, возле Витебского (раньше Царского) вокзала в городке Семеновского полка, по-прежнему стоят два неназванных домика. В них помещался штаб школы, и, конечно, здесь не раз бывал приписанный к штабу Маяковский. Сохранился и огромный Михайловский манеж, который был передан под гараж запасного бронедивизиона, ныне широко известный первый в стране Ленинградский зимний стадион. И жилой дом на Миуринской (раньше Малой Дворянской) улице Петроградской стороны, в котором находились ремонтные мастерские.

То, что здания школы помещались в разных частях города, устраивало работавших при штабе солдат. Они постоянно разъезжали и могли довольно свободно располагать собой и своим временем. Вначале, вспоминает Георгий Александров, служивший вместе с поэтом, они ходили «в штатском платье и жили на частных квартирах». Маяковский жил на улице Жуковского в доме 7. Маяковский обычно носил простую серую рубашку или демисезон-

ное пальто и мягкую шляпу. Подобная одежда избавляла его от назойливого внимания патрулей, освобождала от необходимости беспрерывно «озыряться», позволяла вольно чувствовать себя в трамвае. Он мог беспрепятственно заходить к знакомым и друзьям, бывать в редакциях.

Особенно часто посещал он редакцию популярного юмористического журнала «Новый сатирикон». Она размещалась в большом доме 88 на Невском проспекте. Его фасад украшает ныне яркая, видная издалека реклама хроникального кинотеатра «Новости дня». Редактировавший журнал Арнадий Аверченко сумел привлечь и сотрудничеству многих талантливых художников, журналистов, писателей-юмористов. Маяковский участвовал в редакционных собраниях. Молча, засунув руки в карманы и жуя папиросу, шагал он из угла в угол, оставался и с серьезным лицом предлагал тему, вызвавшую хохот орунующих. В «Новом сатириконе» поэт опубликовал двадцать пять стихотворений.

Вскоре поэт снимает комнату на Надеждинской улице в доме 52. «Много не курите и громко не разговаривайте», — напрасно предупреждает хозяйка квартиры, стенографистка М. Масленникова, гостей, приходящих к нему. У Маяковского постоянно собираются солдаты и механики, сослуживцы по школе, молодые петроградские художники и поэты. Жилые его превращается в своеобразный клуб, где ведутся нескончаемые дискуссии о современном искусстве, роли его и назначении.

Комната была небольшой, метров семь-восемь. Бывавшим в ней запомнились находившиеся там два стула, кровать, диван, шкаф для платья, в простенке между окнами — письменный стол. «Комната имела вид временного пристанища... Ни книг, ни разложенных рукописей — этих признаков оседлого писательства», — вспоминал современный.

Дом, квартира, комната сохранились. Памятная доска на фасаде напоминает о том времени, когда здесь жил поэт. Имя его носит ныне и Надеждинская улица. Там, где она пересекается с улицей Некрасова, высится установленный на высоком прямоугольном постаменте бюст Маяковского, певца революции, увидевшего в пламенном Петрограде и запечатлевшего в чеканных строках — первые сполохи будущей бури.

И. ПОДГОРНЫЙ

ЛЕНИНГРАД

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ ЖУРНАЛЫ

Маяковский и Рейснер

Творческие судьбы Владимира Маяковского и Ларисы Рейснер не раз пересекались, особенно в ранний период. У каждого был свой путь в Революцию и в Творчество. Книжки Л. М. Рейснер (1895—1926) отличаются высоким строем мысли и гражданским пафосом, а их названия свидетельствуют о злободневности содержания — «Фронт», «Гамбург на баррикадах», «Афганистан», «Уголь, железо и живые люди», Злободневная и вся поэзия Маяковского. Оба они были убеждены, что истинный художник должен своим талантом служить идеям революции, создавая произведения, достойные эпохи и времени. Нравственный максимализм, презрение к мещанству любого толка были в полной мере присущи обоим при всей внешней несхожести творческих устремлений молодых авторов. Внутренняя общность миропонимания позволила Ларисе Рейснер принять первые произведения Маяковского.

Осенью 1915 года в Петрограде появилось новое периодическое издание — тонкий двухнедельный журнал под названием «Рудин». На обложке был изображен вдохновенный профиль тургеневского героя, который олицетворял собой символ борьбы: ведь Рудин сражался и погиб на баррикадах. Журнал вышел несколько раз, прежде чем был запрещен цензурой. Идейным вдохновителем, редактором и автором критических статей являлась Лариса Рейснер.

В конце марта 1916 года в «Рудине» была напечатана статья Рейснер «Через Ал. Блока к Северянину и Маяковскому». Статья примечательна в первую

очередь публичным признанием яркого таланта Маяковского. Автор высказывал понимание глубинной преемственности двух поэтических миров при их кажущейся несопоставимости. Обращение к поэзии Блока, а вслед за этим и начавшему свой путь, держащему Маяковскому показательно. Категории «славы», «бессмертия», «вливания» неотделимы друг от друга. Рассматривая их, автор ставит имена поэтов рядом. Связь наносное Рейснер пыталась разглядеть истинное, утверждала, что мир для Маяковского «не буафория, не мертвая, временная декорация, которую можно подновить или взять напрокат, как берет Северянин...». Антитеза в данном случае преднамеренная, и симпатии автора явно на стороне Маяковского. В черновике набросках статьи, помещенной на страницах «Рудина», сохранились фразы, раскрывающие позицию Рейснер как читателя и слушателя раннего Маяковского. Она писала: «Маяковский не знает маскартадной жизни. Все живое у него страдает... все живет и клонится к страданию».

Эмоциональное воздействие поэтических строчек Маяковского в общем контексте статьи очевидно. Рейснер ставит перед собой задачу — приблизить к читателю его «странную поэзию», показать небывалый строй души поэта, его боль, его интонации нежности, незащищенности и величайшей человечности, помочь читателю понять «небывалую странность» — феномен Маяковского. Лариса Рейснер называет его стихи «задыхающимися», приводя строчки из поэмы «Облако в штанах», а в финале статьи — из поэмы «Флейта-позвоночник».

Оценка лирики раннего Маяковского, высказанная на страницах журнала «Рудин», когда вокруг поэта царил атмосфера непонимания и замалчивания, звучала как вызов. Для Рейснер, как и для Маяковского, литература была неотделима от общественной жизни России. Она сумела уловить, что поэт присягает искусству действительному, активному.

С. ШОЛОМОВА

ХАРЬКОВ